

Американские сказки

Прощай Леандр

Самая удивительная из всех змей, каких знало человечество, была гремучая змея, которая приползла однажды поздно вечером на железнодорожную станцию в низовьях Миссисипи. Служащий этой станции – назовем его ну хотя бы Джонас Джаг, ибо это имя не хуже любого другого, – оставил дверь на ночь приоткрытой, чтобы тянуло прохладным ветерком с реки.

Как сам он рассказывает, работа в тот вечер просто замучила его, вздремнуть удавалось редко, какой-нибудь разок через каждые пять-шесть минут, не чаще. И вдруг он услышал странные звуки, совсем не похожие на стрекот кузнечиков, крик совы или кваканье лягушек. Джонас огляделся вокруг, вверх, вниз поглядел и у ножки своего стула увидел свившуюся кольцом гремучую змею. На хвосте у нее было столько погремущек, что пустого места не оставалось. Змея во все стороны поводила головой, разглядывая Джонаса, его керосиновую лампу и даже паутину на потолке.

Джонас не смел пошевелинуться: он очень боялся, а вдруг испугнет змею и она по нечаянности укусит себя за хвост и, чего доброго, отравится насмерть – уж очень яду в ней было много. Он так и замер на месте, притаив дыхание, гадая, что делать дальше.

Змея развилась, так сказать, вытянулась во весь рост и поползла шарить по комнате, словно искала что-то. Только тут Джонас заметил, какой же худенькой она была – одна кожа.

Не зная, как лучше поступить, Джонас решил на всякий случай подружиться с гремучкой. Он потихоньку встал, вынул из своей обеденной сумки кувшин с молоком, налил немного в жестяную кружку, поставил ее на пол и хотел уж было пригласить змею отведать угощение, но вот беда, он не знал, как к ней обратиться. Не мог же он ей сказать: "Послушай, змея!" Получилось бы невежливо.

Он еще раз внимательно посмотрел на змею, и ему показалось, что она смахивает на долговязого, тощего носильщика, которого звали Леандр.

Не успел Джонас позвать: "Леандр!" – как змея описала круг и скользнула прямо к кружке с молоком. Заглянула в нее, застыла на месте, словно обдумывая, как поступить, и начала быстро лакать. Осушив кружку, змея подняла глаза на Джонаса.

Во взгляде ее Джонас прочел тоску и понял, что она очень одинока. Джонас и сам чувствовал себя одиноко, особенно в ночные дежурства на станции, когда не с кем было поговорить. Что ж, змея все лучше, чем никто. В особенности такая вот, полная дружеских чувств.

Джонас побеседовал немного с Леандром и вернулся на свое рабочее место, к телеграфному аппарату. Он как раз занимался азбукой Морзе. Только он успел отстукать точка-тире, что означало букву "а", а потом тире-точка-точка-точка, что означало букву "б", как Леандр уже вполз на стол.

Вот тут для Джонаса и в самом деле настал момент удивляться.

– Я собственным глазам не поверил, – признавался Джонас, когда впоследствии рассказывал эту историю. – Только я кончил выстукивать медным ключом букву "б", как Леандр поднял хвост и сначала повел им из стороны в сторону, а после помахал им. Сделал один длинный

размах и три коротких кивка, вы представляете? Сомневаться не приходилось, он пользовался хвостом, как телеграфным ключом, чтобы выбить букву "б": тире-точка-точка-точка. Выходит, с азбукой Морзе Леандр был знаком!

Он знал всю азбуку назубок, неприятности были только с буквой "х", которая состояла из четырех точек. От того, что вместо помахивания из стороны в сторону он вынужден был кивать хвостом, Леандр приходил в ужасное возбуждение. К тому же он плохо умел считать и, случалось, бил хвостом до десяти раз, прежде чем успокоится. Однако и с буквой "х" он справился, и они с Джонасом теперь подолгу беседовали.

Леандр поведал Джонасу, что родом он из многодетной семьи, которая насчитывала двадцать змеенышей, только все его сестренки и братишки утонули во время половодья. Он так был привязан к ним, что когда рассказывал об этом, у него дрожал хвост от волнения.

Леандр не только составил Джонасу хорошую компанию, но оказался полезен и в других отношениях. Он ловко обвивал хвостом половую щетку, выгибал спину и, поводя носом по полу, дул как настоящий ураган, развеивая пыль по углам. А то вот еще чему научился – угадывать приближение поезда. Он вытягивал через окошко голову, высовывал длинный, узкий язык и улавливал вибрацию от соприкосновения колес со стальными рельсами, когда поезд был еще на расстоянии тридцати одной мили от станции. Тогда, если Джонасу случалось соснуть, а это и самом деле случалось через каждые пять-шесть минут, как вы уже знаете, Леандр тихонько трогал Джонаса за плечо и будил его.

Они стали такими друзьями, что Джонас теперь даже представить себе не мог, как он раньше обходился без Ле-андра. И Леандр отвечал ему взаимностью, о чем не уставал повторять каждый вечер с помощью азбуки Морзе.

А потом Джонас получил приказ о переводе на другую станцию. Надо было сообщить эту грустную новость своему другу Леандру.

– Сердце сжалось у меня от печали, – признавался Джонас позднее.

Он чуть не плакал, когда выстукивал по телеграфу эту весть Леандру, расположившемуся против него на столе и молча внимавшему его признанию.

"Я был счастлив познакомиться с тобой, – выстукивал Джонас. – А теперь меня переводят на другую станцию. Единственное, что утешило бы меня, если бы ты согласился перейти вместе со мной".

Леандр сидел как в воду опущенный. Минуту-другую он молчал в задумчивости. Потом покачал в ответ хвостом. Не может он покинуть это место, как бы ему этого ни хотелось, говорил он. Вот уже не одну сотню лет его семья обитает на берегах Биг-Блэк-Ривер. А поскольку он последний из их рода, его долг остаться на этом месте, к которому они все так привыкли. Не скрывая своего огорчения, он поблагодарил Джонаса за то, что тот обучил его азбуке Морзе, и медленно направился к выходу. Перед тем как выскользнуть в темноту, он обернулся еще раз, в глазах его была печаль. Он поднял хвост и простучал "73", что на языке телеграфа означает "Прощай".

Больше Джонас и Леандр не встречались. Известно, однако, что Леандр прожил долгую и счастливую жизнь и обучил азбуке Морзе всех остальных гремучек, водившихся на берегах Биг-Блэк-Ривер. Правда, иные люди говорят, что все это враки, что Джонас Джаг все это сам выдумал, а его еще считали честным человеком.